Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/FCMJUH
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

МЕМУАРНАЯ ПРОЗА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

© 2022 г. Е.А. Папкова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 22 апреля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 31 мая 2021 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-298-317

Аннотация: В статье мемуарная проза Всеволода Иванова, как опубликованные тексты, так и неизвестные ранее материалы из семейного архива, впервые является объектом научного исследования и рассмотрена в контексте дискуссии о жанровой природе эго-документов. Проанализирован замысел воспоминаний 1942 г., задуманных Ивановым как продолжение автобиографического романа «Похождения факира». Размышления Иванова 1956 г. над заглавиями новой редакции воспоминаний и глав показывают особенности ее композиционной структуры: центром каждой главы («куста» — термин К.А. Федина) является определенная книга, а вокруг рассказа об истории ее создания сгруппированы исторические события, факты литературного процесса, портреты современников. В статье подробно рассмотрены некоторые из таких «кустов» 1920-х гг. На основании архивных материалов и сравнения текста «Истории моих книг» в разных публикациях показано, почему портреты содружества «Серапионовы братья» и А.К. Воронского вызвали негативные критические отклики. Анализ наивно-простодушной манеры повествования позволяет прийти к выводам о сознательно избранной Ивановым форме воспоминаний ради публикации важных фактов истории литературы.

Ключевые слова: мемуарная проза, Всеволод Иванов, архивные материалы, редакции воспоминаний, портреты современников.

Информация об авторе: Елена Алексеевна Папкова — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5776-1802

E-mail: elena.iv@bk.ru

Для цитирования: *Папкова Е.А.* Мемуарная проза Всеволода Иванова // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 298–317. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-298-317

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

MEMOIR PROSE OF VSEVOLOD IVANOV

© 2022. Elena A. Papkova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: April 22, 2021
Approved after reviewing: May 31, 2021
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The author of the article explores Vsevolod Ivanov's memoir prose, both published texts and previously unknown materials from the family archive, regarding them in the context of a discussion about the genre nature of ego documents. The research materials also include the idea of the memoirs of 1942, conceived by Ivanov as a continuation of the autobiographical novel "The Adventures of the Fakir." Ivanov's reflections on the titles of the new edition of memoirs and chapters in 1956 show the peculiarities of its compositional structure: the center of each chapter ("bush" — term by K.A. Fedin) is a certain book, and historical events, facts of the literary process, portraits of contemporaries are grouped around the history of its creation. The article discusses in detail some of these "bushes" of the 1920s. On the basis of archival materials and a comparison of two published versions of "The History of My Books" the study shows why the portraits of the fraternity of "Serapion Brothers" and A.K. Voronsky drew negative critical responses. An analysis of the naively simple-minded narration manner allows us to conclude that the form of memoirs was deliberately chosen by Ivanov for the sake of publishing important facts of the literary history.

Keywords: memoir prose, Vsevolod Ivanov, archival materials, publication of memoirs, portraits of contemporaries.

Information about the author: Elena A. Papkova, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5776-1802

E-mail: elena.iv@bk.ru

For citation: Papkova, E.A. "Memoir Prose of Vsevolod Ivanov." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 298–317. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-298-317

Произведения Всеволода Иванова, написанные в жанре воспоминаний, в последние десятилетия не раз использовались для комментирования художественных текстов писателя [2; 4], однако сами по сами никогда не становились объектом научного анализа. В настоящей статье, учитывая не только новые тенденции в изучении и публикации источников мемуарной прозы, но и возможность напечатать архивные документы, до сих пор не введенные в научный оборот, мы попытаемся восполнить этот пробел.

Иванов начал писать мемуары уже в 1920-е гг. Первыми из опубликованных текстов стали воспоминания об А.М. Горьком: «Сентиментальная трилогия» (Красная новь. 1928. № 3), «К 35-летию литературной деятельности М. Горького» (Красная панорама. 1928. № 12) и др., впоследствии вошедшие в неоднократно переиздававшуюся книгу писателя «Встречи с Максимом Горьким» (1947). При жизни Иванова были напечатаны также небольшие эссе и статьи мемуарного характера, посвященные МХАТу им. А.М. Горького, конкретно — работе актеров и режиссеров над пьесами писателя (см., например: «Почему и как появился “Бронепоезд”» // Театр и драматургия. 1934. № 3; «Качалов — Вершинин» // Театр. 1937. № 8). Наиболее крупным произведением мемуарного жанра, в котором Иванов рассказал о своей жизни, начиная с детства и заканчивая 1950-ми гг., стала «История моих книг» [11].

При подготовке в 1970-е гг. третьего собрания сочинений Иванова комиссия по его литературному наследию весьма строго отнеслась к отбору мемуарных текстов писателя. В 8 том собрания составители включили лишь несколько очерков о Горьком, мотивируя это тем, что только немногие «имеют фактическую основу, являясь в полном смысле воспоминаниями,

документальный характер которых подкреплен письмами Горького» [13, т. 8, с. 717]. По поводу книги «Встречи с Максимом Горьким» члены комиссии, в состав которой вошли К.Г. Паустовский (председатель), В.Б. Шкловский, М.П. Бажан, Т.В. Иванова, отметили: «При объединении очерков в цикл Вс. Иванов ограничился лишь внешней связью и не достиг подлинного художественного единства. В результате “Воспоминания о Горьком” оказались весьма неоднородными по своей художественной природе. И в них обнаруживается, по крайней мере, два разных пласта. Один, как говорилось выше, документальный. Другой по существу своему отношения к воспоминаниям не имеет. Вс. Иванов здесь дает волю вымыслу и воображению, словно перепевая мотивы некоторых ранних романтических рассказов Горького. К тому же здесь возобладал тот выспренно-патетический стиль, во власти которого Иванов находился в первые послевоенные годы и от которого позднее стремился избавиться» [13, т. 8, с. 717–718]. Очевидно, те же соображения предопределили судьбу «Истории моих книг», которую вовсе не включили в собрание сочинений. Однако следует отметить, что сам Иванов иначе относился к своему произведению. В конце 1950-х гг., уже не принимая, если верить комментаторам 1970-х гг., этого ранее ему не свойственного стиля, который действительно преобладает в «Истории моих книг», Иванов тем не менее настаивал, даже соглашаясь на серьезные купюры и исправления по требованию редакторов, на том, чтобы воспоминания его вошли во второе прижизненное собрание сочинений и даже открывали его [12].

Предваряя очередной том издания «Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения», Н.В. Корниенко вновь вернулась к «актуализированному в современной теории эго-документов вопросу, где подлинное “я” писателя», напомнив об «идущей с 1920-х гг. дискуссии о дневнике Толстого — это исповедь писателя (М. Бахтин) или литературный текст (Б. Эйхенбаум)», которая «продолжается и в новом веке» [6, с. 8]. В исследовательских работах последних десятилетий возобладала точка зрения, в соответствии с которой мемуаристика выделяется «в особое направление повествовательной прозы»: с одной стороны, ей присуща «безусловная точность в интерпретации передаваемых сведений», а с другой — «сама интерпретация фактов является одним из признаков оригинальности этих произведений, а субъективный взгляд на

события определяет их эстетическую ценность» [5, с. 4]. Рассматривая автобиографическую прозу И.А. Бунина в целом, Е.М. Болдырева отмечает: «...если литературоведческой “традицией” является анализ степени правдивости, документальности автобиографического текста, особенностей отражения и преломления в нем обстоятельств личной жизни автора, то мы изначально будем исходить из постулата фиктивности любого автобиографического романа как особой модели, конструкции, а не отражения реальности» [1, с. 43].

О том, что «История моих книг» Иванова в главах, которые касаются участия автора в событиях революции и Гражданской войны, достаточно далека от документальных источников и создавалась автором как текст, не во всем отражающий реальность, нам уже приходилось писать [9]. Рассказывая о своей жизни в Омске как «Третьей столице» России в период 1918–1919 гг., дружбе с «белыми» поэтами и особенно о фронтовой колчаковской газете «Вперед», Иванов, как это свойственно и другим авторам, вспоминающим в советское время о событиях Гражданской войны, и не мог быть точен, стремясь скрыть одни факты и придать большую яркость другим, не только «создать собственный положительный образ перед читателем, утвердить свою правоту перед лицом истории» [7, с. 7], но и не бросить тень на своих современников в жестких условиях политического размежевания. Но воспоминания о Гражданской войне — лишь малая часть «Истории моих книг». Обратимся к этому мемуарному тексту в целом, чтобы понять те цели, которые преследовал Иванов, весьма своеобразно отбирая из своей полной ярких событий жизни эпизоды, развернуто представленные в его мемуарах.

Замысел воспоминаний о своей жизни, очевидно, возник у Иванова после того, как были опубликованы первые три части автобиографического романа «Похождения факира» (1935). В личном архиве хранятся несколько перепечатанных на машинке страниц задуманного мемуарного текста с заголовком «25 лет (воспоминания)». Датировать эти записи можно началом 1942 г.: на одном из листов содержится дневниковая запись от 13–15/II-42 г. Намеченный план воспоминаний предваряет запись: «Так как я предполагаю закончить “Похождения факира” 1917–18 годами, — но когда закончу, не знаю и сейчас, к окончанию рука не лежит, то я выскажу кое-что о своей жизни в 1918–42 гг.» (Личный архив Всеволода Иванова). Далее под рим-

скими цифрами от I до XV расположены главы будущего текста с кратким указанием их содержания. Приведем некоторые:

> I.
>
> Нападение чехов. Моя газета и моя жена. Как я женился на М<арии> Н<иколаевне> С<иницыной> (ее последнее выступление).
>
> Красная гвардия. Оборона Омска от чехов. На пороховом складе. Крысы. Моя жена. Я хожу по улицам. Офицеры — любители драматического искусства на Проломной улице. — В<асилий> Запус и архиерей.
>
> Приход чехов. Атаман Анненков. Меня мобилизуют, и я охраняю арт<иллерийские> пороховые склады. — Бегство.
>
> <...>
>
> III.
>
> Жизнь в Омске. А. Сорокин и Г. Вяткин.
>
> Встреча с Татариновым. Бегство. Холера. Смерть брата, мать уезжает в Павлодар.
>
> Поездка на Д<альний> В<осток> — 50 000 золотом и корабли в Золотом Роге.
>
> Восстание. Смерть провокатора. Я боюсь разоблачений и иду за помощью к Ант<ону> Сорокину. Он направляет меня к полк<овнику>, редактору «Вперед».
>
> <...>
>
> IX.
>
> Серапионы. Пролеткульт. «Партизаны».
>
> <...>
>
> XI.
>
> Знакомство с Есениным.
>
> На даче Зубалово.
>
> М.В. Фрунзе и наша беспутная жизнь.
>
> Ген<ерал> Слащев и Ю. Саблин — лекция.
>
> <...>

XV.
«Собрание сочинений» и «Тайное тайных».
«Бронепоезд» в МХАТ.
Поездка за границу.
1 500 км по Франции.
Запрещение «Бронепоезда». Шутки в Бадьяне.
(Личный архив Всеволода Иванова)

Большая часть обозначенных в плане фактов биографии Иванова войдет в «Историю моих книг». Это сибирские события 1918–1921 гг.: служба в Красной гвардии, охрана складов в Омской крепости, общение с омскими писателями — А.С. Сорокиным и Г.А. Вяткиным, сотрудничество в газете «Вперед» (отметим, что Иванов ни в плане, ни в окончательном тексте не назовет имени главного редактора — полковника В.Г. Янчевецкого, будущего писателя В. Яна) и др.; петроградские, 1921–1923 гг.: общение с писателями «Пролеткульта» и группы «Серапионовы братья», публикация повести «Партизаны» в № 1 журнала «Красная новь»; московские, 1923–1927 гг.: дружба с С. Есениным, знакомство с М.В. Фрунзе, постановка «Бронепоезда 14–69» во МХАТе, поездка за границу. Но есть и существенные различия между намеченным планом и окончательным текстом. Например, совершенно исключены будут факты личной жизни, о которых в набросках «Главы первой» иронически повествуется: «Мне вообще не везло в женитьбах. Все женщины были энергичные, а я больше был склонен путешествовать так, как подует ветер…» (Личный архив Всеволода Иванова).

Под цифрой XVI дается «общий мотив книги»: «презрение к прошлому, т. к. — новый мир. Презирал нэп, но без особого уважения относился и к новому. Жил стихийно, т. к. боялся славы. Нежелание работать, потому что “вдохновение” и “новый Горький”. / К сожалению, я не был ландскнехтом, а человеком, воспитанным на русской литературе, с совестью, с чувствами. Я страдал» (Личный архив Всеволода Иванова).

Однако работу над этим текстом Иванов оставляет, написав только часть первой главы; характер ее автобиографического героя, представленного не без самоиронии, перейдет в «Историю моих книг».

Другая редакция воспоминаний имеет заглавие «По тропинке бедствий», отсылающее к первой в жизни Иванова критической статье о его

творчестве — статье «Под чужим флагом (Цех пролетарских писателей и буржуев Сибири)», опубликованной в газете «Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» (1918. 21 апреля). Статья посвящалась газете «Согры», которую в 1918 г. предполагал выпускать Иванов (вышел только один номер), и открывалась эпиграфом: «Ходит птичка весело / По тропинке бедствий, / Не предвидя от сего / Никаких последствий». Сохранился набросок плана к этой редакции:

> Первый период: накопление опыта.
>
> Второй: показ этого опыта в неизвестности.
>
> Очень доволен этой «неизвестностью».
>
> Третий: пробудилась жажда славы. Но в то же время страдание «не ландскнехта». Литературная утонченность и жажда истинного искусства, хотя бы на триста человек. Но это скрыто. И опять страдания. Хочется и широкого искусства, но его дать не может — в общем, жизнь прожита неправильно, и все сделано неправильно: надо доживать, раз не вышло.
>
> Четвертый: написать «нечто», что оправдало бы и за что простили бы все ошибки и недоразумения. Это все равно, как если бы мы разбили немцев. Да, жили плохо, отвратительно и скучно, но т. к. победили, то оказывается, была какая-то «искра», из которой и возгорится пламя (Личный архив Всеволода Иванова).

И заглавие, и план воспоминаний указывают на то, что в центре их будет искусство, литература. За реализацию такого замысла Иванов берется спустя почти 15 лет. Видимо, на протяжении 1956 – начала 1957 гг. он работает над «Историей моих книг». Многочисленные черновые записи, хранящиеся в семейном архиве и не вошедшие в основной текст, передают размышления писателя над новым заглавием:

> О хороших писателях, когда они приобретут имя, <...> говорят часто: «А дальше его жизнь — это история его книг», т. е. наступает сравнительно спокойная, безмятежная жизнь, вроде авторских волнений за столом и плохих рецензий.

Должно быть, я плохой писатель, потому что мои книги — это своеобразные билеты: я из-за них езжу, они меня, так сказать, возят и с каждой книгой не меньше приключений, чем с изданием первой книжки «Рогульки».

М. б., эпоха иная?

(Личный архив Всеволода Иванова)

В итоге «История моих книг» оказалась композиционно выстроена вокруг произведений писателя, которые он считал центральными в своей биографии:

Первые рассказы.

Газета «Согры» и моя социальная драма «Черный занавес».

Первая книжка рассказов «Рогульки»

Как была написана повесть «Бронепоезд 14–69»

От «Экзотических рассказов» к «Тайному тайных».

Рассказы «Тайное тайных».

«Сладко-печальный мед жизни» — рассказы конца 20-х и начала 30-х годов.

«Повести бригадира М.Н. Синицына».

Роман «Пархоменко».

Книга статей «Мое отечество»

«Лето 1948 года» и роман «Мы идем в Индию».

Учителя мужества [11].

В черновиках сохранились заглавия еще двух глав, не вошедших в основной текст, — «Рассказ о рассказе» и «Ненапечатанные романы». Судить о содержании второй из глав возможно лишь предположительно: черновых записей к ней почти не сохранилось. Можно лишь сказать, что к 1956 г. ненапечатанных романов в архиве писателя было четыре: «Кремль» (1929), «У» (1933), «Вулкан» (1940) и «Эдесская святыня» (1946). От главы «Рассказ о рассказе» сохранился развернутый план. Приведем начало этого текста:

Рассказ об одном рассказе. Дитё

Замысел. О нем не думал. Написал быстро, часа в два.

Мне хотелось изобразить тоску по родине — в ее конкретных, грубых чертах.

У «Серапионовых братьев» рассказ, кажется, не читал. Потом печатание в «Красной газете». Успех рассказа в «Накануне» и за границей.

Москва. «Круг». Едем к П<?>ву.

Кто слушал? Сталин, Дзержинский, Орджоникидзе, Осинский, писавший тогда книгу о советских писателях, и как министр земледелия. На даче Л.Б. Каменева. <...>

Были — Пильняк, Федин, Никитин, я, Воронский.

Запрещение рассказа. Мнение Горького и Сталина: вот так нужно писать.

На квартире у Горького.

Запретили.

— Пустяки. Редактора и снять можно.

Тем не менее рассказ не печатали: «Документик бы, Всеволод Вячеславович».

Я ссылался на мнение Сталина и Горького <...>.

(Личный архив Всеволода Иванова)

Видимо, в этом фрагменте представлен тот же сюжет, который в плане 1942 г. был обозначен как «На даче Зубалово»: с начала 1920-х гг. на территории усадьбы Зубалово находились дача И.В. Сталина и его соратников по партии.

Каждая глава рассказывала не только о каком-то одном произведении, вокруг него группировались события, портреты людей, размышления автора и т. п. В чем-то такая композиция напоминает принцип организации материала, который предполагал избрать «серапионов брат» Иванова К.А. Федин для своих воспоминаний. Исследователь творчества Федина И.В. Ткачева отмечала, что в письме М.Л. Слонимскому от 25 июня 1965 г. Федин рассказывал о «главном принципе, которого он собирался придерживаться, это написание книги не “по линейке, освященной дедами: ‘генеалогия’, детство и потом от года к году. Брать ‘кусты’, возм<ожно> исчерпывая каждый по его значению для времени, о котором вспоминаешь”. Этот

принцип организации материала Федин объяснял так: “Кто когда-нибудь останавливался на воспоминаниях, знает власть ассоциаций: стоит увидеть памятью одно лицо, как оно тотчас окружается другими... <...> потом новые и новые лица обступают первое во множестве, словно разросшийся куст...”» [10, с. 24]. В составе такого «куста» находились и размышления Иванова о литературном процессе XX в., сокращенные или самим писателем, или, что скорее всего, редактором журнала. Очевидно, в главе «Роман “Пархоменко”», где речь шла о том самом романе, замысел которого в плане 1942 г. оценивался автором следующим образом: «...написать “нечто” <...> за что простили бы все ошибки...», — содержалось отступление о горьковских масштабных общественно-литературных проектах:

> Новое направление, придя к истории предприятий, тем самым исчерпало себя. Нужно было возвращаться опять к истории семьи, к схеме Мопассана или Бальзака. Конечным пунктом завершения нового направления были «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны». Писатели принимали участие в первой, но не во второй. Так как государству постоянно угрожало военное нашествие, «Истории гражданской войны» придавалось особое значение. Считалось, что <...> события могли описать совершенно точно политические деятели. Из-за этого история изобиловала цитатами и превращалась, в сущности, в сборник цитат, между которыми политические деятели вписывали политические установки. История по тем временам, наверное, была написана правильно политически, но так как она в силу цитатности и разнообразия картин, написанных разными людьми, не могла дать широкого художественного полотна, а показ гигантского народного движения свелся к выдержкам из воспоминаний, история не имела того всемирного успеха, который был бы неизбежен, если бы ее написали художники, а лучше того — один художник. Кроме того, почему-то нужно было показать триумфальное шествие революции — почему, впрочем, вопрос праздный, понятно почему, но триумфальное шествие мнилось без потерь. Из-за этой ложной скромности редко показывались страдания народа во время гражданской войны, а именно они-то и подчеркнули бы героизм народа (Личный архив Всеволода Иванова).

После публикации журнального варианта «Истории моих книг» последовали неодобрительные критические отклики. Некто, подписавшийся «Литературовед», в газете «Литература и жизнь», характеризуя эти «в общем хорошие и яркие воспоминания», указал на «некоторые “частности”, которые имеют, однако, принципиальное значение»: «Вспоминая о своем участии в группе “Серапионовы братья”, автор, вольно или невольно, стремится смягчить ее идеологическую порочность» [17, с. 2. Подпись: *Литературовед*]. О реакции на «Историю моих книг» рассказывает и письмо Вс. Иванова неизвестному молодому автору, приславшему писателю свою рукопись, от 4 сентября 1958 г.:

> …Конечно, я с удовольствием прочту и рекомендую «Н<ашему> с<овременнику>». Правда, моя рекомендация сейчас в глазах «Н<ашего> с<овременника>» мало стоит — их, видите ли, выбранили за напечатание «Истории моих книг», и они теперь будут дуть на воду, в каковой момент явится Ваша рукопись (Личный архив Всеволода Иванова).

Задавая в письме вопрос: «Вторая часть “Истории моих книг” слабее первой?», Иванов не случайно отсылал своего корреспондента к собранию сочинений 1958 г., которое открывалось этим текстом, и предлагал сравнить его с журнальной публикацией. В архиве Иванова хранится номер журнала «Наш современник» за 1957 г., в котором редакторским карандашом сделаны купюры. Более всего в этой части воспоминаний возражения редактора коснулись портрета литературной группы «Серапионовы братья». Были вычеркнуты из текста все упоминания о творческих встречах «Серапионовых братьев», о том, как серапионы «учили, поощряли, толкали к тому, что у нас сейчас называется “овладение мастерством”» [11, № 3, с. 142–143], признание Иванова, что «именно в дружбе и совместной работе с Серапионовыми братьями» он мог «раскрыть полностью свое дарование» [11, № 3, с. 145], и т. п.

Характеризуя «Историю моих книг», нельзя не отметить, что Иванов включает в текст своих мемуаров портреты людей, подвергшихся жесткой критике и политическим репрессиям. Назовем здесь, например, описание во второй главе известного советского военачальника Р.П. Эйдемана, с которым Иванов познакомился в Омске в мае 1918 г., вступив, будучи членом

партии меньшевиков-интернационалистов, в Красную гвардию: «Учитесь, учитесь! — строго говорил перед нашим строем командарм в хрустящей кожанке и голубом суконном шлеме с малиновой звездой. Командарм был высок, строг и, мне казалось, совершенно несправедлив. Лет шесть-семь спустя я снова встретился с ним: это был писатель Р.П. Эйдеман. Мы вспомнили нашу встречу на Иртыше. Его тогдашний выговор казался мне теперь совершенно справедливым…» [11, № 3, с. 132–133]. С 1937 г. имя арестованного и расстрелянного Эйдемана было под запретом, реабилитирован он был лишь в 1957 г. [8, с. 103].

Особое место в «Истории моих книг» принадлежит А.К. Воронскому — члену партии, известному советскому критику и редактору первого «толстого» журнала «Красная новь». Арестованный как человек, разделявший взгляды троцкистской оппозиции, и расстрелянный в 1937 г., он был реабилитирован в феврале 1957 г., но в историю советской литературы имя Воронского тогда возвращено не было. Так, в публикациях «Литературной газеты» к 40-летию Великого Октября, рассказывающих о становлении литературы СССР: статьях «Двадцатые годы» В. Друзина и «Необыкновенное время» Б. Брайниной, — нет упоминания о деятельности Воронского по организации молодой советской литературы (эта заслуга целиком приписана А.М. Горькому), о той огромной роли, которую сыграл в этом журнал «Красная новь» [15, с. 2]. Как справедливо пишет Е.А. Динерштейн, Воронский «был не просто редактором лучшего литературно-художественного журнала, а старшим товарищем и другом тех, кто составил ядро этой литературы. Его вкусу доверяли, знаниям — верили, к слову — прислушивались. Влияние его на писателей-“попутчиков” было огромно» [3, с. 317].

Написанный Ивановым именно в этом ключе портрет Воронского в «Истории моих книг», очевидно, подвергся серьезной критике, причем сначала редакторов журнала «Наш современник», а затем — редакторов собрания сочинений. Первоначальный текст (машинопись хранится в семейном архиве) главы «Рассказы “Тайное тайных”», посвященный Воронскому, начинался с его приезда в Петроград в середине июля 1921 г., после выхода первого номера «Красной нови». Приехал Воронский знакомиться с литературной молодежью, в том числе и с Ивановым:

> Сперва А.К. Воронский, как и большинство тогдашних партийных работников, относился к писателям настороженно. <...> Но видя, что писатели не только желают учить, но и сами желают учиться — у новой жизни, у революции, у новых книг, — Воронский постепенно влюбился в молодую советскую литературу, и в литераторов, и мы влюбились в него. Держался он удивительно просто, беседу о литературе предпочитал вести не в редакционной конторе, а у себя на дому или у писателей: «Так легче понять друг друга». Беседы часто касались рукописей, которые он предполагал напечатать. Мне казалось, что такое обсуждение заменяло ему редколлегию, которой в «Красной нови» довольно долгое время не было. Постепенно он развил свой вкус и позже сам стал писать недурные беллетристические произведения.
>
> Мы часто собирались в его двойном номере гостиницы «Националь»... <...> Купив вскладчину бутылку красного вина, мы за этой бутылкой просиживали целый вечер, широко и трепетно разговаривая о литературе...
>
> (Личный архив Всеволода Иванова).

Мы не располагаем источником текста, где были бы обозначены возражения и предложения редакторов. Видимо, под их давлением Иванов перерабатывал свой текст, создавая подцензурный вариант. В журнальном варианте портрет Воронского изменен с учетом идеологии: слова о влюбленности опущены, а после слов о произведениях Воронского вставлен текст: «К сожалению, ни Горький, ни мы не предполагали, что упорство Воронского носит в себе и дурные качества, которые, развившись, уведут его в сторону от великих задач советской литературы. Но об этом скажу дальше» [11, № 1, с. 157]. Редакторы собрания сочинений, очевидно, решили, что этой правки недостаточно, и автор был вынужден включить в текст еще одну фразу: «Ошибаясь, он упорно не хотел ни замечать, ни исправлять своих ошибок» [12, с. 63].

Представив Воронского как героя своих мемуаров, Иванов вспоминает о своей встрече с ним перед выходом в свет книги «Тайное тайных». Здесь Воронский выступает не только как критик, но и как товарищ, предупреждающий: «Книжка будет иметь успех. Даже, возможно, вызовет подражания, а критики тебе влепят так, что ты не скоро очнешься. Ну, чего ты скачешь? Чего ты хотел сказать названием “Тайное тайных”». В первоначальном тексте разговор содержал доверительные признания Иванова: «Ты

знаешь, Александр, в последнее время я много ездил по Советской России и видел людей изумительнейших. <…> И почему-то меня привлекли самые маленькие люди: быть может, потому, что в них тяга к героизму, к свершению чего-то большого, что им еще не совсем ясно»[1], — которые сопровождались словами поддержки со стороны Воронского: «Мне жаль тебя, Всеволод — горячо сказал Воронский. — И главное обидно, что я не знаю, чем помочь. Что тебе посоветовать. По-видимому, вся надежда на мужество! Работай, дружище!» (Личный архив Всеволода Иванова). Редакторы посчитали все это излишним и вычеркнули.

В черновых материалах к «Истории моих книг» хранятся еще несколько фрагментов текста, посвященных Воронскому. Один из них содержит рассказ о разрыве дружеских отношений, который произошел осенью 1927 г., уже после того как в октябре было принято решение освободить Воронского от обязанностей члена редколлегии журнала «Красная новь»:

> Воронский. Толкование исторического процесса, который свершался у нас на глазах, оказалось различным. Вскоре после постановки «Бронепоезда» в МХАТ, сочтя, по-видимому, меня лицом, достаточно революционно настроенным, мне предложили редактировать отдел прозы в журнале «Красная новь», который до этого редактировал Воронский. Я принял это предложение не без колебаний. Хотя я уже с Воронским давно не встречался и его привлекали теперь другие писатели, я по-прежнему относился к нему с симпатией. Мне объяснили, что Воронский безотносительно к тому, буду ли я редактировать «Красную новь» или не буду, не может вернуться туда. К тому времени я уже знал немало молодых писателей, которым бы я мог помочь при их входе в литературу. Я согласился. При ближайшей встрече Воронский не подал мне руки. Так распалась наша многолетняя дружба.
>
> (Личный архив Всеволода Иванова)

В собрании сочинений 1958 г. текст превратился в прямую критику в адрес Воронского:

1 В критике 1930 г. «маленькие люди» книги «Тайное тайных» предстанут как «мелкие люди», «ушибленные революцией», а сама книга покажет «торжество мелкобуржуазного сознания, которое не видит социальных сдвигов пролетарской революции, не видит классовой борьбы» [16].

> ...Воронский же, увы, отходил от революционной действительности, и отходил с упорством и настойчивостью, достойными лучшего применения.
>
> В частности Воронский стал переоценивать свои заслуги при первых, да и при дальнейших шагах советской литературы. Он был одним из помощников советской литературы, и мнил себя теперь ее учителем. <...> Короче говоря, понимание совершавшегося исторического процесса оказалось у нас, на определенном этапе, различным. Наша долголетняя дружба распалась [12, с. 71].

Включая в свои воспоминания портреты «Серапиновых братьев» и А.К. Воронского, Иванов, конечно, вряд ли предполагал, что его текст избегнет редактирования в условиях, когда определяющим по-прежнему оставался лозунг: «Идейность — душа советской литературы» [14, с. 1]. Может быть, надеялся, что критики не увидят крамолы за избранной им манерой повествования, исполненной простодушной самоиронии и стилистически близкой автобиографическому роману «Похождения факира». Не случайно в набросках воспоминаний 1942 г. сквозила мысль о том, что они станут своего рода продолжением романа «Похождения факира», действие которого, как заявлял сам автор, охватывало период с 1895 до 1918 гг. [13, т. 4, с. 7]. В романе за ироническим портретом многочисленных родственников юноши Всеволода: «О, эта родня моего деда! <...> Оказывалось, что поп Андрей приходился ближайшим родственником Ермаку и графу Демидову Сан-Донато. Крестный мой участвовал в штурме Варшавы, взял в плен моего деда и весь полк, которым тот командовал. А поселок Лебяжий раньше, несомненно, был столичным городом!» [13, т. 4, с. 12] — следует повествование о злоключениях его самого: попытке, по казачьему обычаю, сесть на необъезженного коня, напрасных стараниях стать цирковым артистом, дойти до Индии и многое другое. В сущности, в близкой повествовательной манере начинается «История моих книг». Описания цирковых фокусов, где молодой Иванов «с треском проваливался» [11, № 3, с. 121], попыток продавать купоны к выигрышным билетам, которые также не увенчались успехом: «...все считали меня мошенником и норовили отвести в полицию» [11, № 3, с. 123], и т. п., сменяются картинами революционных событий в Сибири. Однако автобиографическому герою по-прежнему не везет: его газета «Согры» подвергается критике; на его социальную драму «Черный занавес» не приходят зрители; «горькая тоска разочарования» настигает

его, когда он обнаруживает, что остался стоять на посту, охраняя склады в Омской крепости, в то время как руководители Красной гвардии уплыли на пароходе «Андрей Первозванный» [11, № 3, с. 133]. Закономерно, что после этого знакомство с пролеткультовцами, «Серапионовыми братьями», Воронским, писателями, уже ставшими знаменитыми, представляется автобиографическому герою чуть ли не праздником. Первая часть журнальной публикации, описывающая вечер в издательстве «Круг», завершалась восторженными словами: «...я понял, что я встретился сегодня ни больше, ни меньше, как со всей молодой, но уже великой советской литературой» [11, № 3, с. 150]. Рискнем утверждать, что ивановский пафос, сменивший самоиронию, был вполне сознательным: быть может, наивное простодушие автора скроет тот факт, что о многих героях этих воспоминаний вспоминать нужно только в обличительном тоне. Отсюда, вероятно, и авторское стремление убрать из текста реалии, заставляющие усомниться в наивности рассказчика. В черновике этого эпизода, например, после слов «Воевать — так не горевать. А начал горевать — уж лучше не воевать!» вместо напечатанного «Писатели ушли» следовал текст:

> Сердито глядя на собеседника, крестьянский поэт говорил:
>
> — Все мои сборы — лапти да оборы.
>
> Рабочий поэт смотрел на него с недоумением. Он не знал, что оборами зовутся бечевки, которыми вкрест обвивается все берце до колен. Поэты начали уже делиться на пролетарских и крестьянских и чувствовалось, что скоро появятся поэты буржуазные. Придет время, оно совсем близко, когда я буду называться правым попутчиком.
>
> (Личный архив Всеволода Иванова)

Нельзя сказать, чтобы ивановская манера повествования обманула критиков. В уже цитированном отзыве на «Историю моих книг» рецензент осуждает описанную Ивановым жалость серапионов по отношению к Лунцу, автору «программы» «Серапионовых братьев», с возмущением цитируя строки «Истории моих книг»: возразить против программы «помешало “братство” — не хотелось обижать Лунца, ему ведь шел всего лишь двадцатый год» [11, № 1, с. 160]. Указав на избранное Ивановым «повествование в добродушном духе», автор рецензии констатирует: «Всеволод Иванов

не хочет вдаваться в идейную сущность этой замкнутой в области чистой формы, аполитичной группировки» [17, с. 2]. Редакторы же, как могли, способствовали «исправлению» воспоминаний писателя при включении их в собрание сочинений.

Подводя итоги, имеет смысл вернуться к дискуссии о жанровой природе мемуарной прозы. Применительно к «Истории моих книг», как, видимо, и к другим воспоминаниям, сложно однозначно ответить на вопрос, является ли этот текст произведением литературы или правдивым документом, верным реальности. Можно утверждать, что для самого Иванова была важна реальная, документальная составляющая его воспоминаний. Он стремился рассказать, пусть и неполную правду, о белогвардейской газете «Вперед», своих друзьях — белых поэтах, общении с «Серапионовыми братьями», критиком Воронским — обо всем том жизненном опыте, который, как он оценивал его теперь, по прошествии многих лет, дал ему возможность сформироваться и состояться как писателю. А литературная форма — избранная им «добродушная» манера повествования — была способом затушевать идеологическую крамолу и помочь в публикации дорогих для Иванова воспоминаний.

Список литературы

Исследования

1 *Болдырева Е.М.* Memini ergo sum: автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западного модернизма. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 497 с.

2 Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14–69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.

3 *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 360 с.

4 *Иванов Вс.* Тайное тайных / подгот. Е.А. Папковой, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 568 с. (Серия «Литературные памятники»).

5 *Колядич Т.М.* Мгновенья, полные как годы… (Двадцатые годы в воспоминаниях писателей). М.: Прометей, 1993. 90 с.

6 *Корниенко Н.В.* От редактора // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX в. С. 3–9.

7 *Мажара П.Ю.* Мемуары и дневники участников Белого движения как источник по истории Гражданской войны на Северо-Западе России (1918–1920): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.: Ин-т истории РАН, 2013. 26 с.
8 *Панков Д.В.* Комкор Эйдеман. М.: Воениздат, 1965. 104 с.
9 *Папкова Е.А.* Материалы к биографии Вс. Иванова 1917–1921 гг. // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14–69»: Контексты эпохи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 340–361.
10 *Ткачева И.В.* Рабочие записи К.А. Федина как основа мемуарной прозы писателя // Эго-документы XX века. Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / отв. ред. и сост. И.Э. Кабанова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 23.

Источники

11 *Иванов Вс.* История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–150; 1958. № 1. С. 155–194.
12 *Иванов Вс.* История моих книг // *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1. С. 7–126.
13 *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1973–1978.
14 Литературная газета. 1957. 8 янв.
15 Литературная газета. 1957. 6 июля.
16 *Мессер Р.* Попутчики второго призыва // Звезда. 1930. № 4. С. 208–210.
17 Факты и иллюзии // Литература и жизнь. 1958. 18 мая. (Подпись: Литературовед).

References

1 Boldyreva, E.M. *Memini ergo sum: avtobiograficheskii metatekst I.A. Bunina v kontekste russkogo i zapadnogo modernizma* [*Memini ergo sum: the Autobiographical Metatext of I.A. Bunin in the Context of Russian and Western Modernism*]. Yaroslavl', Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2007. 497 p. (In Russ.)
2 *Vsevolod Ivanov. "Bronepoezd 14–69": Konteksty epokhi* [*Vsevolod Ivanov. "Armored Train 14–69": Contexts of the Era*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 736 p. (In Russ.)
3 Dinershtein, E.A. *A.K. Voronskii: v poiskakh zhivoi vody* [*A.K. Voronsky: in Search of Water of Life*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 360 p. (In Russ.)
4 Ivanov, Vs. *Tainoe tainykh* [*Covert Secret*]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 568 p. (In Russ.)
5 Koliadich, T.M. *Mgnoven'ia, polnye kak gody… (Dvadtsatye gody v vospominaniiakh pisatelei)* [*Moments, Full of Years… (The Twenties in the Memoirs of Writers)*]. Moscow, Prometei Publ., 1993. 90 p. (In Russ.)
6 Kornienko, N.V. "Ot redaktora" ["From the Editor"]. *Tekstologicheskii vremennik: voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [*Textological Periodical: Questions of Textology and Source Study*], book 3: Pis'ma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii XX veka

[Letters and Diaries in the Russian Literary Heritage of the 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 3–9. (In Russ.)

7 Mazhara, P.Iu. *Memuary i dnevniki uchastnikov belogo dvizheniia kak istochnik po istorii Grazhdanskoi voiny na Severo-Zapade Rossii (1918–1920)* [*Memoirs and Diaries of Members of the White Movement as a Source on the History of the Civil War in the North-West of Russia (1918–1920): PhD Thesis, Summary*]. St. Petersburg, IRH RAS Publ., 2013. 23 p. (In Russ.)

8 Pankov, D.V. *Komkor Eideman* [*Commander Eideman*]. Moscow, Voenizdat Publ., 1965. 104 p. (In Russ.)

9 Papkova, E.A. “Materialy k biografii Vsevoloda Ivanova 1917–1921” [“Materials for the Biography of Vs. Ivanov 1917–1921”]. *Vsevolod Ivanov. “Bronepoezd 14–69”: Konteksty epokhi* [*Vsevolod Ivanov. “Armored Train 14–69”: Contexts of the Era*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 340–361. (In Russ.)

10 Tkacheva, I.V. “Rabochie zapisi K.A. Fedina kak osnova memuarnoi prozy pisatelia” [“Work Notes of K.A. Fedin as the Basis of the Writer’s Memoir Prose”]. *Ego-dokumenty XX veka. Kul’tura, literature, istoria (Fedinskie chteniia. Vypusk 7)* [*Ego-Documents of the 20th Century. Literature, Culture, History (Fedin Readings. Issue 7)*]. Saratov, Nauka Publ., 2020, pp. 23–31. (In Russ.)